

Балаховская Александра Сергеевна

ХРИСТИАНСКИЙ ЭНКОМИЙ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ, НАПИСАННЫХ В ЧЕСТЬ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

В статье рассматриваются два малоизвестные в отечественном литературоведении агиографические сочинения, посвященные Иоанну Златоусту, епископу Константинопольскому, прославленному ритору и проповеднику, составленные в начале V века. Основное внимание в исследовании автор концентрирует на анализе литературной формы и жанровых особенностей этих произведений. Подобный анализ помогает продемонстрировать их литературное своеобразие и, одновременно, выявляет некоторые аспекты литературного развития этого периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/6/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 27-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**WORD COMBINATIONS WITH MEANING OF RELATIVITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE
AND PROBLEMS OF THEIR TRANSLATION INTO ARABIC****Ashraf Mokhamed Attiya**, Ph. D. in Philology*Department of Slavic Languages of Ain Shams University (Cairo)**Department of Oriental Studies of Eurasian National University named after L. N. Gumilev (Astana)**at_rus@yahoo.com*

The author discusses the problem of relativity in linguistics, researches the lexical-syntactic structure of word combinations with relative adjective in the Russian language and the problem of their translation into Arabic, shows different techniques of the translation transformation of the units under consideration in Arabic, and tells that such an analysis will be of interest to specialists in the sphere of translation theory and practice and comparative linguistics.

Key words and phrases: relativity; relative adjective; qualitative adjective; syntactic synonymy; direct correspondence; translation transformation; correlated attribute; Arab attributive combination; comparative linguistics.

УДК 82-1/9

Филологические науки

В статье рассматриваются два малоизвестные в отечественном литературоведении агиографические сочинения, посвященные Иоанну Златоусту, епископу Константинопольскому, прославленному ритору и проповеднику, составленные в начале V века. Основное внимание в исследовании автор концентрирует на анализе литературной формы и жанровых особенностей этих произведений. Подобный анализ помогает продемонстрировать их литературное своеобразие и, одновременно, выявляет некоторые аспекты литературного развития этого периода.

Ключевые слова и фразы: агиографическое сочинение; жанр; энкомий; античная литература; христианская литература.

Александра Сергеевна Балаховская, к. филол. н.*Отдел литератур Азии и Африки**Учреждение Российской академии наук Институт мировой литературы им. А. М. Горького**a.balakhovskaya@gmail.com***ХРИСТИАНСКИЙ ЭНКОМИЙ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ,
НАПИСАННЫХ В ЧЕСТЬ ИОАННА ЗЛАТОУСТА©**

Иоанну Златоусту (ок. 349–407), епископу Константинопольскому, знаменитому проповеднику, моралисту, подвергнутому несправедливым гонениям за свою непримиримую нравственную позицию, но в конце концов ставшему одним из самых почитаемых византийских святых, посвящено большое количество агиографических произведений, самыми ранними из которых были «Надгробное слово», приписываемое Мартирию, патриарху Антиохийскому [4], и «Диалог с Феодором, римским диаконом о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста», созданный Палладием, епископом Еленопольским [7].

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать литературные особенности этих малоизвестных в отечественной науке произведений и, одновременно, на их примере показать некоторые аспекты литературного развития этого периода.

Эти два произведения роднит то, что в обоих использована жанровая форма энкомия. В античной словесности энкомий, или похвальное слово, писался в честь знаменитых людей, императоров, полководцев, героев. Правила построения энкомия были описаны ритором Менандром, жившим в конце III в. н.э. в трактате “Περί ἐπιδεικτικῶν” [3]. В разделе “Βασιλικὸς λόγος” («Царская речь») этого трактата изложена общая структура «чистого энкомия» [Ibidem, p. 80-95]. Он начинается со вступления (τὰ προοίμια) и далее строится в согласии со следующими топосами: страна, город, народ, которым герой энкомия обязан своим происхождением (πατρίς, πόλις, ἔθνος), происхождение героя (τὸ γένος), обстоятельства рождения героя (τὰ περὶ τῆς γενέσεως), его природные качества, способности (τὰ περὶ φύσεως), образование (ἀνατροφή), образ жизни, нрав (ἐπιτηδεύματα), деяния героя (πράξεις), его судьба (τὰ τῆς τύχης). Завершался энкомий сравнением (σύγκρισις) и эпилогом (οἱ ἐπίλογοι).

Все эти топосы служили тому, чтобы прославить избранного героя, царя, с различных сторон. Во вступлении подчеркивались важность и величие темы сочинения, вслед за этим восхвалялись, если они были знамениты, родина и народ, к которому принадлежал герой, знатность его рода, а также его славные природные качества. В рубрике, посвященной образованию героя, следовало привлечь внимание к его

прилежанию и способностям легко схватывать все то, чему его учили. Топос «деяния» включал в себя повествование о его военных и гражданских подвигах, при этом подобало восхвалить такие четыре добродетели как отвага, справедливость, воздержание и рассудительность.

Наконец, следовало перейти к топосу «судьбы», подчеркнув при этом, что благоприятная судьба сопровождала героя похвального слова на протяжении всей его жизни. Завершался энкомий сравнением героя сочинения с его предшественниками, на фоне которых ему отдавалось предпочтение, а также эпилогом, в котором прославлялось благоденствие, воцарившееся при восхваляемом правителе, и заключительной молитвой о том, чтобы он царствовал долго, и его престол перешел к его детям и их наследникам.

В эпоху императора Константина Великого (272-337) литературная форма античного энкомия была использована для создания нового жанра христианской литературы – энкомия христианскому мученику. Возникновение жанра христианского энкомия в этот период было обусловлено взаимодействием двух факторов. С одной стороны, возрастал культ христианских мучеников, дни их памяти становились днями великих церковных торжеств, требовавших публичного прославления святых с церковного амвона, а с другой, античные культурные формы стали повсеместно использоваться знаменитыми церковными писателями, такими как Василий Кесарийский, Григорий Назианзин, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст и др., которые были блестяще образованными людьми и заставили светское искусство служить нуждам Церкви [2, p. 183-190].

И. Делеэ прекрасно продемонстрировал, как христианские авторы, строго следуя античным литературным нормам, наполняли их при этом новым христианским содержанием. Например, не считая возможным проигнорировать топос *τὸ γένος*, они акцентировали внимание на том, что знатность рода, служившая предметом восхваления в период античности, больше не является ценностью, и ее место занимает личная добродетель святого [Ibidem, p. 198-199].

Постепенно жанр энкомия подвергся эволюции. Если первоначально энкомии посвящались лишь мученикам, то постепенно среди тех, кому создавались похвальные слова, появлялись и епископы, и монахи, и девственницы [Ibidem, p. 188].

Одним из энкомиев, написанным в честь епископа, является «Надгробное слово св. Иоанну Златоусту», приписываемое патриарху Мартирию Антиохийскому (ок. 459 – ок. 470). Произведение было создано в конце 407 – начале 408 г. Автором его на самом деле был не антиохийский патриарх, а неизвестный священник из Константинополя, ученик Иоанна (мы будем именовать его Псевдо-Мартирием), а поводом для его составления послужило получение известия о кончине Иоанна Златоуста [5, p. 149; 6, p. 479], поэтому по своей форме оно представляет собой не «чистый энкомий», а надгробную речь, которая составлялась по тем же правилам, что и «чистый энкомий» [3, p. 171-179].

Во вступлении автор обращается к теме переполняющей его скорби по поводу потери своего учителя. Он говорит о том, что составление надгробной речи является для него тяжким долгом. «Хотел я, воистину, о мужи, никогда не выступать на таковое словесное поприще, не быть провозвестником словесного глады, не отверзать уст и не приводить в движение язык для такого рассказа, в котором слова тонут во множестве слез» [4, p. 43₁₋₄]¹.

После этого он переходит к восхвалению Иоанна Златоуста и противопоставляет его величию немощь своего слова: «...его совершенство выразить словами невозможно, разве только, если бы кто-то взял взаймы его живой язык... У нас же ум приземленный, язык немощный...» [Ibidem, p. 44₈₋₁₂].

Переходя к основной части сочинения, Псевдо-Мартирий отдает дань требованиям литературной нормы, предписывавшей прославлять славное место рождения героя и знатность его происхождения. Однако вслед за своими предшественниками он, ссылаясь на правила составления энкомия, по сути отвергает их предписания. «Итак, если бы я подчинился закону внешнего энкомия, конечно, следовало бы рассказать о славном роде, блестящей родине, изобильном богатстве, образе жизни, воспитании и обо всем остальном, что, и отсутствуя, не оскверняет христианина, и присутствуя, не делает более славным... Ныне же я попытаюсь вкратце сделать известным его житие во Христе» [Ibidem, p. 47₂₂₋₄₈]₅].

Тем не менее, характерные для энкомия топоры фигурируют на протяжении всего сочинения. Сосредоточившись на христианской жизни Златоуста, Псевдо-Мартирий обращается к теме его воздержания и аскезы. «...Он настолько решительно восстал против плоти, что для рассудка вообще не было дела в борьбе против нее. Ибо, перерубив при помощи самого воздержания движения плоти и подчинив ее себе, он сделал для души весьма легким небесный бег» [Ibidem, 48₁₉₋₄₉]₆]. В этих словах просматривается топос *τὰ περὶ φύσεως*, но вместо того, чтобы говорить об изначально прекрасных природных качествах героя, христианский автор пишет об очищении Иоанном своей природы через аскетический подвиг.

Переходя к рассказу об образовании (*ἀνατροφή*) Иоанна, Псевдо-Мартирий не обращается к традиционной для энкомия теме любви юноши к учению и похвалы его успехов в философии и словесности, но противопоставляет «внешнюю мудрость» любви Иоанна к Священному Писанию и восхваляет его именно за это: «И, приняв на ум, что весьма неуместен тот факт, что среди юношей существует столь великое прилежание к пустым сочинениям поэтов, риторов и философов, поскольку это приносит лишь плод умения хорошо говорить, а по отношению к тому, что изречено Святым Духом, приступающие к вечной жизни испытывают большое затруднение и даже воздерживаются от Библии, и одно считается необходимым, а другое избыточным, и предложенное является для них только в тягость, он, избежав такового рассуждения, как великого греха, удержал в душе все Священное Писание до последней черты» [Ibidem, p. 49₈₋₁₉].

¹ Тексты «Надгробного слова» Псевдо-Мартирия и «Диалога» Палладия приводятся в переводе автора статьи.

В описании служения Иоанна диаконом, пресвитером и его рукоположения во епископа мы, без сомнения, встречаемся с топосом *ἐπιτηδεύματα*, подразумевающим рассказ об обычаях, нравах, повседневной жизни героя. Характеристики, которыми при этом награждает Иоанна автор сочинения, демонстрируют дальнейшее духовное совершенствование его личности. Вот как, например, он описывает Иоанна-диакона: «Итак, почтенность, целомудрие, устроение взгляда, веру, страх и все прочее, подобающее этому чину... лучше было бы увидеть, чем узнать об этом от написавшего. И народ увидел строгость в его новых беседах и опытность в Священном Писании, – ибо он из всякой простой беседы с друзьями делал божественное наставление, и, поскольку его сердце было исполнено Священным Писанием, слова появлялись как-то непроизвольно, и, хотя он предполагал взирать на иное место, стремился он только к небу» [Ibidem, p. 50₁₆-51₁₄].

Топос *πράξεις* (деяния героя), который в период античности был посвящен описанию таких добродетелей героя как воздержание, справедливость, мудрость, мужество (*σωφροσύνη, δικαιοσύνη, φρόνησις, ἀνδρεία*) [3, p. 85-93], а в энкомиях мученикам содержал рассказ об их страданиях, в «Надгробном слове» Псевдо-Мартирия заключает в себе изображение деятельности Иоанна Златоуста как епископа Константинополя, его стремление к правде и борьбу против него его врагов, добившихся его низложения. Автор говорит о проповеди епископа среди его паствы, о его просвещении языческих народов, о его помощи епископам других городов. Однако одним из наиболее ярких эпизодов является рассказ о том, как Златоуст, увидев в Вифинии прокаженных, лежавших на земле, («непогребенных мертвецов, живые останки, ползущие храмы души» [4, p. 91₁₃₋₁₄]), принимает решение построить для них больницу, приобретя для этой цели землю в окрестностях Константинополя.

Строительство больницы породило многочисленных врагов епископа, поскольку богатые землевладельцы боялись соседства с прокаженными, и сделалось одной из причин его низложения: «И когда уже возводилась вторая крыша здания, демон воздвиг своих единомышленников к поспешному низложению занимающегося этим строительством» [Ibidem, p. 93₁₂₋₁₄].

Говоря о судьбе героя (*τὰ τῆς τύχης*), Псевдо-Мартирий говорит не о земном благоденствии Иоанна Златоуста, не о его жизненном успехе, а о его духовном величии, которое он продемонстрировал через преодоление своих страданий. «Хотя против него были воздвигнуты всевозможное коварство, хула, донос, хитрость, заговоры людей, объединились церковная и императорская власти и каждая использовала все возможные средства, поколебалась вся вселенная... он один пребывал в безмолвии, наслаждаясь победой, потому что никто не мог *обличить его в неправде* (Ин. 8:46)» [Ibidem, p. 134₃₋₄].

«Надгробное слово» завершается рассуждением о том, что физическая смерть не является концом жизни человека, поскольку остаются живыми его дела. Для доказательства этого тезиса Псевдо-Мартирий прибегает к сравнению (*σύγκριστις*) Иоанна Златоуста с библейскими персонажами: праведным Иосифом, пророками Моисеем, Илией и с Иисусом Христом [Ibidem, p. 139₁₂-141₁₁].

Венчает «Надгробное слово» молитвенное обращение к Иоанну Златоусту, заменяющее собой финальную молитву о долголетию и благоденствии героя, которая должна была венчать «внешний энкомий».

Сравнение с «Надгробным словом» другого произведения – «Диалога» Палладия – поможет увидеть литературное своеобразие последнего. Этому сочинению присуща сложная жанровая форма, включающая в себя элементы таких жанров как диалог, апология, нравоучительный трактат [7, p. 33-31], однако можно смело утверждать, что произведению Палладия свойственны также и элементы энкомия, которые четко прослеживаются на всем его протяжении [1, p. 936-937].

Увидеть черты энкомия в «Диалоге» Палладия поможет анализ композиции этого произведения. Композиционно «Диалог» распадается на пять частей [7, p. 21-25]. Он состоит из пролога (гл. 1-4), в котором в теоретическом плане поднимается тема о том, что священство – это не удел каждого человека, но лишь того, кто призван к этому Богом. Эта тема является лейтмотивом всего произведения, и, заявленная в его начале, она будет раскрываться на всем его протяжении. Кроме того, в прологе описывается ситуация после низложения Златоуста, бегство в Рим восточных епископов и действия римского папы Иннокентия для исправления положения дел на Востоке. Все содержание пролога подводит читателя к основной теме произведения – жизнеописанию Иоанна Златоуста, которому посвящена вторая часть (гл. 5-11). Центральной является 11 глава сочинения, в которой описывается кончина святого, рассматриваемая как духовное торжество и венец всей его жизни. Далее Палладий переходит к апологетической части (гл. 12-19), и, наконец, заключением произведения служит 20 глава, в которой говорится о преследованиях сторонников Златоуста, окончательно посрамляется порок, воспевается добродетель, и прославляется герой произведения.

В «Диалоге» отсутствует традиционное для энкомия вступление, в котором говорится о величии избранной темы, и его заменяет исторический экскурс в события, случившиеся после изгнания Иоанна Златоуста из Константинополя, предваренный теоретическим рассуждением о том, что такое священство. Это своеобразное введение подводит читателя к пониманию важности главной проблемы сочинения – того, в чем заключается идеал священника, и кто в действительности соответствует этому идеалу, Иоанн Златоуст или его враги.

Вслед за этим вступлением автор непосредственно переходит к повествованию о жизненном пути Иоанна Златоуста. В рассказе об этом ясно просматриваются рубрики, в согласии с которыми писались энкомии. В отличие от Псевдо-Мартирия, Палладий не уклоняется от того, чтобы восхвалять внешние условия жизни христианина. Он говорит и о славном городе, в котором родился его герой, и о знатности его семьи: «Иоанн сей был, – ибо он уже почил, – родом антиохиец, происходил из семьи, выделяющейся своим благородным положением, находясь на службе у сирийского воеводы» [Ibidem, p. 104₁₋₃].

Затем Палладий указывает на природные способности Иоанна, говоря, что Иоанн «обладал пронизательным умом», а вслед за этим обращается к теме его образования, отметив, что его герой «получил литературное образование, необходимое для службы в императорской канцелярии» [Ibidem, p. 106_{4,5}].

Переходя к рассказу о нравах и занятиях Иоанна, Палладий говорит о его встрече с епископом Мелетием Антиохийским, принятии им крещения, рукоположении в сан чтеца, жизни в монастыре. «В то время возглавил Антиохийскую Церковь блаженный Мелетий, исповедник, родом армянин. Он, обратив внимание на одаренного юношу, приблизил его к себе, радуясь красоте его сердца, пророческим взглядом провидя будущность этого юноши» [Ibidem, p. 108₁₀₋₁₅]. «Побуждаемый совестью не довольствоваться трудами в городе, поскольку он был исполнен жизненных сил юности, хотя и был невредим разумом, он достигает ближних гор и, встретившись с сирийским старцем... подражает его подвигу» [Ibidem, p. 108₁₆₋₁₁₀₂₀].

Далее, подобно Псевдо-Мартирiu, Палладий повествует о деяниях Златоуста по устройению Церкви и о его страданиях за истину. Элементы этого рассказа мы встречаем не только в той части произведения, которая посвящена жизненному пути Иоанна Златоуста, но также и в апологетической части, где автор выступает в защиту деяний епископа, за которые его порицали враги.

Образ Златоуста в «Диалоге» Палладия – это образ монаха-епископа, того нового типа епископа, который сформировался в IV веке после окончания гонений на христиан, когда начался процесс падения нравов в церковной среде, что было причиной появления церковных пастырей, больше думающих о личном благополучии, нежели о процветании Церкви. Тип монаха-епископа стал альтернативой подобным епископам, стремящимся к сану ради тщеславия и денег [1, p. 933-934].

Автор «Диалога» подробно рассказывает о деятельности Иоанна Златоуста на благо Церкви, однако более важным для него является не какое-то конкретное действие его героя, а общая направленность его жизни, продиктованная стремлением жить согласно евангельскому идеалу и бывшая для него внутренним стимулом для поступков. Монашеские добродетели, приобретенные Златоустом через аскетический подвиг, пребывают с ним в течение всей его жизни и дают направление его деятельности на церковной кафедре столицы [Ibidem, p. 1026].

Поэтому в отличие от Псевдо-Мартирия, который описывает публичные добродетели своего героя, для Палладия на первый план выступает общая аскетическая направленность его личности. Он акцентирует внимание на его монашеских добродетелях, прежде всего на воздержании и нестяжании, что и служило духовной мотивировкой всех его действий.

Защищая Златоуста от различных обвинений врагов, одним из которых было то, что он ест один и не желает приглашать кого-либо к себе на трапезу, Палладий объясняет причину таких действий Иоанна слабостью его здоровья и строгим воздержанием, противопоставляя материальный интерес к трапезе противников епископа его ревностью к проповеди Евангелия: «Да скажет вместе с Господом и безупречный Иоанн: мой пир есть учение и раздаяние слова, ради чего я и был избран для спасения народа» [7, p. 260₃₄₀₋₃₄₂].

Принцип нестяжания, являющийся одной из основных монашеских добродетелей, согласно Палладию, Златоуст переносит на епископское служение и не тратит церковные средства на свои личные нужды. «Иоанн, конечно же, поскольку считал себя, так сказать, примером, посланным епископам, которые будут после него, каким образом они должны жить, чтобы в согласии с Павлом на *своем иждивении* (Деян. 28:30) провозглашать покаяние, ни к чему не прикасаясь из того, что принадлежит Церкви, получал пищу на один день» [Ibidem, p. 348₂₀₆₋₃₅₀₂₁₀].

Последняя глава «Диалога» подводит итог всему произведению и играет роль эпилога (οί ἐπίλογοι). В ней рассказывается о судьбе сторонников Иоанна Златоуста, содержится рассуждение о страстях и противоположных им добродетелях, а также заключительный элемент энкомия, *σὺγκρισις*. Иоанн Златоуст сравнивается с библейскими персонажами Иосифом – примером деятельной жизни, и Левием – примером жизни созерцательной: «Тебе же, блаженный Иоанн, из каковых слов сплетя, я принесу неувядающий венец (1 Пет. 5:4), после исхода твоего пути не боясь сложить тебе похвальное слово, ибо ты преодолел девятый вал? Не из Моисеевых ли законов, которые он дал, благословив деятельную жизнь Иосифа и созерцательную – священника Левия? Ибо в тебе я вижу обоих» [Ibidem, p. 438₅₂₃₋₄₄₀₅₂₈].

И, наконец, финалом «Диалога», как и «Надгробного слова», является молитвенное обращение к Иоанну Златоусту.

Итак, на материале агиографических сочинений, посвященных Иоанну Златоусту, мы можем видеть многообразие функционирования жанра энкомия в начале V века. В «Надгробном слове» Псевдо-Мартирия мы видим традиционное использование этой литературной формы, ибо сочинение создано ради похвалы святого, для того, чтобы воздать долг его памяти. Палладий же создает произведение, в котором стремится и защитить Иоанна Златоуста, и восхвалить его, и обличить его врагов, а также поднять серьезные богословские и философские вопросы. Для этого он использует синтетическую жанровую форму, в которой элементы различных жанров взаимодополняют друг друга, и энкомий органично встраивается в эту систему.

С другой стороны, на примере ранних агиографических произведений, написанных в честь Иоанна Златоуста, можно пронаблюдать, как постепенно изменялся жанр похвального слова. Несмотря на то, что со времени Менандра система топосов энкомия осталась практически без изменений, их содержание подверглось переосмыслению. Переосмысление топосов в христианских энкомиях прекрасно продемонстрировано в исследовании И. Делез «Les passions des martyres et les genres littéraires» [2]. Поэтому сделаем здесь лишь некоторые частные замечания.

В энкомиях в честь Иоанна Златоуста, по сравнению с описанными И. Делез энкомиями мученикам, основному изменению подвергся топос *πράξις*. Согласно трактату Менандра, эта рубрика предполагала повествование о военных и гражданских подвигах героя. В энкомиях в честь христианских мучеников в качестве их подвигов рассматривались те страдания, которые они претерпели. «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия – это похвальное слово епископу, а не мученику, и в качестве его подвигов описываются дела его милосердия, его миссионерское служение, его проповедничество. В «Диалоге» Палладия мы также встречаем элементы похвального слова епископу. Однако если в «Надгробном слове» в добродетели святого изображены его действия, поступки, то в «Диалоге» акцент с самих действий перенесен на их внутреннюю мотивировку. Такой мотивировкой, таким внутренним стимулом для деятельности Иоанна Златоуста было, согласно Палладию Еленопольскому, монашеское устройство личности святого.

Список литературы

1. **Dagemark S.** John Chrysostom the Monk-Bishop: a Comparison between Palladius' and Possidius' Pictures of a Bishop // Giovanni Crisostomo: Oriente e Occidente tra IV e V secolo, XXXIII Incontro di studiosi dell'antichità cristiana, Augustinianum 6-8 maggio 2004, Roma (Studia Ephemeridis Augustinianum 93). Roma: Institutum Patristicum Augustinianum, 2005. P. 933-1031.
2. **Delehaye H.** Les passions des martyres et les genres littéraires. Bruxelles, 1921. VIII+468 p.
3. **Menander Rhetor** / edited with translation and commentary by D. A. Russell and N. G. Wilson. Oxford, 1981. X+390 p.
4. **Ommeslaeghe F. van.** De lijkrede voor Johannes Chrysostomus toegeschreven aan Martyrius van Antiochie. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de Historische Kritiek : PhD diss. Louvain, 1974.
5. **Ommeslaeghe F. van.** Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie // Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1979. T. 97. P. 131-159.
6. **Ommeslaeghe F. van.** La valeur historique de la Vie de S. Jean Chrysostome attribuée à Marturius d'Antioche (BHG 871) // Studia Patristica. Berlin, 1975. Vol. XII. P. 478-483.
7. **Palladius.** Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome / introduction, texte critique, traduction et notes par A.-M. Malingrey et Ph. Leclercq // Sources Chrétiennes. Paris, 1988. T. 1. № 341. 451 p.

**CHRISTIAN ENCOMIUM IN HAGIOGRAPHICAL WORKS WRITTEN
IN HONOR OF ST. JOHN CHRYSOSTOM**

Aleksandra Sergeevna Balakhovskaya, Ph. D. in Philology

Department of Asia and Africa Literature

Institution of Russian Academy of Sciences Institute of World Literature named after A. M. Gor'kii

a.balakhovskaya@gmail.com

The author considers two hagiographical writings, little-known in domestic literary criticism, and devoted to John Chrysostom, the bishop of Constantinople, the celebrated rhetorician and preacher, written at the beginning of the Vth century, pays special attention to the analysis of the literary form and genre features of these works, and shows that this analysis helps demonstrate their literary identity and, at the same time, reveals some aspects of literary development within this period.

Key words and phrases: hagiographical writing; genre; encomium; ancient literature; Christian literature.

УДК 811.134.2'35

Филологические науки

В статье анализируются основные способы выражения субъекта-агенса в деловых письмах на кастильском языке периода Средневековья. Классифицирование субъектов-инициаторов действия основывается, с одной стороны, на традиционных подходах с применением критериев количества и определённости/неопределённости. С другой стороны, автор выявляет некоторые закономерности расширения и компрессии структуры выражения субъекта, а также её компонентный состав (в частности, топокомпонент, теокомпонент).

Ключевые слова и фразы: эпистолярный жанр; деловое письмо; кастильский язык; Средневековая Испания; субъект-агенси; стандартное/расширенное/компрессивное выражение субъекта.

Светлана Николаевна Безус, канд. пед. наук, доцент

Кафедра испанистики и межкультурной коммуникации

Пятигорский государственный лингвистический университет

luzazul@list.ru

**ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТА-АГЕНСА В ДЕЛОВЫХ ПИСЬМАХ
НА КАСТИЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ©**

Деловое письмо, подчиняясь законам эпистолярного жанра, составляется по строго выработанной схеме. Ещё в трактате 1135 г. «*Rationes dictandi*» неизвестный автор даёт определение письму, выделяя пять основных